

Глава 29

Наказание обжорством

— Ну что, есть какие-то ощущения? — Сяо Цзи внимательно его осмотрел.

— Н-нет, никаких!

В животе у Дуань Вэньчжоу снова заурчало.

Единственным ощущением, если уж на то пошло, был голод. Чем больше он ел, тем сильнее хотелось есть.

И это всё? Да он бы ещё десять таких тарелок умял!

Юноша сосредоточенно поразмыслил.

— Может, мне ещё поесть? Наверное, порция слишком маленькая.

Ю Линь с ужасом посмотрел на него.

— Т-ты хочешь есть эту гадость, которую изрыгнул тот рот?

Красивый молодой человек с тоской посмотрел на блюдо, сглатывая слюну.

— Но разве мясо может быть в чём-то виновато?

Сяо Цзи отодвинул еду, изучая дно тарелки. В центре огромного блюда виднелась тонкая, плотно сомкнутая щель, которая, однако, не открывалась. Очевидно, это и был тот самый призрачный рот. Он разверзлся, лишь когда тарелка пустела, чтобы изрыгнуть новую порцию еды. Если они продолжают в том же духе, им никогда не опустошить эти блюда.

Поедание пищи определённо не было правильным способом прохождения.

Прервав поползновения одного любителя поесть, Сяо Цзи погрузился в раздумья.

— А мы можем просто выкинуть эту еду? — предположил Ю Линь. — Или вообще разбить тарелки!

— Сомневаюсь, что всё так просто, — ответил Сяо Цзи.

Во всех предыдущих комнатах путь к выходу был связан с «искуплением». Простое уничтожение тарелок никак не тянуло на искупление.

Пока они разговаривали, Дуань Вэньчжоу уже предпринял попытку. Он попытался поднять одну из огромных тарелок со стола, но обнаружил, что она словно приварена к столешнице и не двигается с места.

Как и ожидалось, не сработало.

Всего на столе стояло девять тарелок разного размера.

Имело ли их количество какое-то значение? Сяо Цзи снова внимательно осмотрел посуду и обнаружил на дне каждой странную серую цифру. Они были пронумерованы по порядку от одного до девяти.

Методом исключения можно было заключить, что это комната Дуань Вэньчжоу. Сяо Цзи посмотрел на юношу, который с самой первой комнаты следовал за ним и постоянно выказывал свою симпатию, и спросил прямо:

— Ты когда-нибудь ел людей?

На щеках Дуань Вэньчжоу проступил румянец, и он выглядел даже немного смущённым.

— Ага, — с готовностью признался он. — Я тогда был совсем маленьким, ничего не понимал, а есть было нечего. Ужасно голодно...

Он пожал плечами, и в уголках его губ мелькнули два милых клыка.

— Нельзя же голодать. Ведь если не есть, то умрёшь, правда?

[Братя, я. С самого. Начала. Чувствовал. В нём. Что-то. Неладное!]

[Ну разумеется, я так и знал, что он что-то скрывает.]

[Это что, современный обычный студент? Который между делом такой: «Ой, проголодался, съем-ка я кого-нибудь»?]

— Скольких? — спросил Сяо Цзи.

Дуань Вэньчжоу на мгновение задумался, пересчитал по пальцам и уверенно ответил:

— Девять!

[Твою мать!]

[Нет, ну как можно с таким невинным лицом говорить настолько жуткие вещи?]

[Да он, случаем, не студент со злой наклонностью?]

[Фальшивый «милый щеночек»: добрый, светлый, оптимистичный.]

[Настоящий «милый щеночек»: с улыбкой откусит тебе голову и скажет: «Братик, я не наелся».]

[Спасибо, теперь у меня ПТСР на «милых щеночков».]

Девять?

Сяо Цзи посмотрел на девять тарелок на столе. Вероятно, они соответствовали девяти съеденным людям. Но он по-прежнему не понимал, где находится «путь», который выведет их отсюда.

Он хотел было расспросить Дуань Вэньчжоу подробнее, но внезапно голова у него закружилась. Тело качнулось, мир поплыл перед глазами, лицо Дуань Вэньчжоу то приближалось, то отдалялось, на нём читалась тревога.

Вместе с головокружением нахлынул и внезапный, неконтролируемый аппетит.

Голодно. Как же голодно.

Соблазнительный аромат, витавший в воздухе, становился всё гуще, а мясо на тарелках выглядело всё более аппетитным. Тончайшая плёнка жира поблёскивала на жареном мясе, под ней отчётливо проступали волокна, а слегка подгоревшая корочка выглядела невероятно хрустящей.

Стоит лишь отрезать кусочек, положить его в рот, и стоит сомкнуть зубы, как можно будет насладиться взрывом вкуса на кончике языка.

Что-то не так!

Сяо Цзи опёрся о стол, с трудом сдерживая себя, чтобы не схватить нож и вилку.

Когда они только вошли, этого не ощущалось, но сейчас аромат еды стал невыносимо сильным. Казалось, эти блюда обладали какой-то магической силой, притягивая экзаменуемых всё сильнее.

Сяо Цзи увидел, что стоявший рядом Ю Линь уже полностью поддался искушению. Он голыми руками хватал жирные куски жареного мяса и отправлял их в рот, непрерывно глотая, а на его лице застыла мечтательная улыбка.

Словно он ел не обычное жареное мясо, а какой-то изысканный деликатес.

Дуань Вэньчжоу, стоявший с другой стороны, тоже был прикован к столу и не в силах сопротивляться медленно приближался к нему.

Как это могло случиться...

Сяо Цзи пытался контролировать своё тело, но головокружение усиливалось, и казалось, он больше себе не принадлежал.

Еда. Желание есть вытеснило все остальные мысли.

Гур, гур... Урчание в желудке становилось всё громче, переходя в острые, мучительные спазмы.

Становилось ясно: не только притягательность еды возрастала, но и их тела стремительно охватывал голод, нехватка энергии. Словно двигатель, в котором кончилось топливо, — если не поест, они умрут.

Но почему такой серьёзный кризис наступил меньше чем через десять минут после входа в комнату? Это противоречило всем его предыдущим выводам о логике этих испытаний...

Если только... этот шаг был неизбежен. Если в этой комнате они обязаны были съесть эту еду! Раз так...

Сяо Цзи перестал сопротивляться. Он позволил своей руке взять нож и вилку и начать резать лежавший перед ним стейк. Но даже в таком состоянии он заставил себя не хватать еду руками.

Слишком грязно.

Маленький, сочный кусочек мяса отправился в рот. Насыщенный сок мгновенно заполнил всё пространство.

Это было неопишимо прекрасное чувство.

Сердце Сяо Цзи забилося чаще, его окутало доселе неведомое чувство счастья и блаженства.

В последней комнате экзамена разыгралась странная сцена. Трое экзаменуемых, столпившись у стола, непрерывно поглощали еду, и на их лицах застыли одинаковые, мечтательно-счастливые улыбки.

В комнате слышался лишь стук ножей и вилок да звуки пережёвываемого мяса.

Хрум, хрум.

Но стоило им опустошить тарелку, как призрачный рот на её дне разверзлся и снова наполнял её до краёв. Это был бесконечный цикл, который должен был продолжаться до тех пор, пока желудки экзаменуемых не лопнут от еды, пока они не умрут от ожорства.

[Нет, ну что это? Уф, что не так с этой последней комнатой?]

[Что? Даже Босс Сяо попался? Я так и не понял, где здесь выход.]

[Если честно, я тоже.]

[Призрачный Барон специально зависил сложность экзамена, меня от него уже тошнит. Он не в первый раз так делает. Вот и на этом экзамене, если бы не один талантливый новичок, который тащит на себе всех, обычные студенты вымерли бы в первых четырёх-пяти комнатах.]

[Хех, а разве экзамен для новичков не всегда был сложным? Если ты не справляешься, это не значит, что другие не могут.]

[У-у-у, Красавчик Сяо, не умирай, у-у-у.]

[Безнадёжно. Не могу больше на это смотреть, я ухожу.]

Но Сяо Цзи, вопреки тому, что писали в комментариях, не потерял сознание. Напротив, в ощущении счастья, приносимом вкусной едой, его грёзы становились всё более реальными.

Картина перед глазами изменилась. Прежняя комната исчезла, и перед ним возник знакомый многоквартирный дом.

Подул холодный ночной ветер, под ногами шуршали сухие листья, а откуда-то издалека доносилась рождественская песня. Лёгкие, мелкие снежинки плавно опускались на землю, делая всё вокруг похожим на прекрасный сон.

Сяо Цзи, ещё подросток, стоял под домом. В руках он держал два больших пакета с покупками, на нём был пушистый белый свитер, а лицо укутано жёлтым шарфом, отчего он походил на пухлого белого медвежонка.

Рядом с ним стоял мужчина в чёрном пальто. Увидев его, Сяо Цзи не мог поверить своим глазам.

Как такое возможно...

Учитель... он... как он может быть здесь?!

Грудь переполнило неверие и чувство вновь обрётённой потери, смешанное с необъяснимой паникой. Сяо Цзи остановился, его голос дрожал, как натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть.

— У... учитель?..

— М-м?

Высокий мужчина, чьё лицо было укутано таким же шарфом, как и у Сяо Цзи, услышав его, опустил на него взгляд. Его руки тоже были заняты пакетами. Ростом он был под метр девяносто, а длинное чёрное пальто идеально подчёркивало его стройную фигуру с узкой талией и длинными ногами.

Он ничего не спросил, лишь протянул руку и поправил шарф на лице Сяо Цзи. Грубоватый рукав скользнул по щеке подростка, причинив лёгкую боль.

— Ух...

Шестнадцатилетний Сяо Цзи издал сдавленный всхлип, но тут же подавил его.

Пакеты с глухим стуком упали на землю. Он протянул руки и обнял мужчину, пряча лицо у него на груди.

— Не плачь.

На лице мужчины, обычно лишённом всяких эмоций, промелькнуло замешательство. Он

осторожно стёр длинными, холодными пальцами кристальную слезу, скатившуюся по щеке мальчика.

Полчаса спустя.

Сяо Цзи, уже пришедший в себя, готовил на кухне. Тихо гудела автоматическая вытяжка. Он ловко очистил от чешуи свежего окуня, выпотрошил его, сбрызнул кулинарным вином и поставил на пару.

В ожидании, пока приготовится рыба, он прислонился к дверному косяку и посмотрел на мужчину за дверью.

Это был... его учитель.

Первую половину своей жизни Сяо Цзи мог описать очень просто: он был подкидышем и вырос в приюте, который спонсировала частная компания. Воспоминания о детстве были смутными, и вряд ли среди них нашлось бы хоть одно приятное.

Из-за его красивого лица его много раз хотели усыновить, но, узнав, что у Сяо Цзи «проблемы» с головой, с сожалением качали головой и отказывались.

Так было до тех пор, пока он не встретил своего учителя. С шести до шестнадцати лет. Он провёл с учителем целых десять лет.

Он всегда знал, что его учитель — особенный, великий человек. Он научил его контролировать эмоции, общаться с людьми, драться и даже пользоваться огнестрельным оружием...

Он научил его всему, чему тот хотел научиться, даже тем запретным вещам, к которым обычные дети не имели доступа. Стоило ему спросить, и учитель отвечал. В его глазах учитель был всемогущ.

Мужчина, опустив голову, внимательно изучал какой-то рекламный проспект, непонятно как оказавшийся в пакете с покупками. На его лице застыло привычное ледяное выражение. Этот человек был ещё большей ледяной глыбой, чем сам Сяо Цзи.

Когда Сяо Цзи был маленьким, они часто выходили вместе, и их — большого и маленького, с одинаково бесстрастными лицами — часто принимали за отца и сына. Теперь ему было шестнадцать, и за десять лет внешность учителя ничуть не изменилась.

Сяо Цзи не мог совладать с бушующими внутри эмоциями. Он не знал, что такое радость, но, возможно, она была похожа на грусть.

От обоих хотелось плакать.

Мужчина отложил в сторону до крайности скучный проспект и посмотрел на него. Даже сидя на диване, он держал спину идеально прямо, как обнажённый ледяной клинок.

— Подойди, — он поманил Сяо Цзи.

Сяо Цзи выключил огонь и подошёл.

Стол уже был заставлен ароматными, аппетитными блюдами, а в центре стоял большой торт.

Надо сказать, готовить Сяо Цзи тоже научил учитель. Поначалу он не мог поверить, что такой холодный на вид человек, как его учитель, умеет готовить.

Сегодня был шестнадцатый день рождения Сяо Цзи, по совпадению выпавший на сочельник. За окном мерцали разноцветные неоновые огни, на углу улицы стояла огромная рождественская ёлка, верхушку которой припорошил падающий снег.

— Подожди, рыба ещё не готова.

Сняв фартук, он сел напротив мужчины.

Мужчина молча смотрел на него некоторое время. Оба молчали, но, поскольку ни один из них не был особенно эмоциональным, двум ледяным лицам друг напротив друга не было неловко. Они давно привыкли к присутствию друг друга, и в тишине даже витала нотка домашнего уюта.

— Заявление в университет подал?

— Подал. На факультет психологии. — Если бы он мог понять, о чём думают люди рядом с ним, может, однажды он смог бы излечить и свою собственную болезнь — неспособность правильно чувствовать эмоции.

— Когда начинается учёба?

— На следующей неделе уезжаю.

Мужчина помолчал, а затем внезапно сказал:

— Ты вырос. Можешь сам о себе позаботиться.

Его тон был таким же холодным, как и его лицо, но Сяо Цзи уловил в этой безэмоциональной фразе нотку удовлетворения.

— Но я всё ещё не могу без вас, учитель.

Подросток Сяо Цзи опустил глаза, глядя на правый рукав мужчины. Там была не плоть и кровь, а холодный, безжизненный протез.

У его учителя с тех пор, как он его помнил, не было правой руки.

Перед Сяо Цзи поставили маленькую коробочку.

— Подарок на день рождения.

Сяо Цзи удивился. Его учитель никогда раньше не дарил ему подарков. Открыв коробку, он увидел кристально чистый, круглый нефрит, лежащий на бархатной подкладке.

— Нравится? — ровным тоном спросил мужчина.

— Нравится.

На лице юного Сяо Цзи ещё сохранялись детские черты. Он сжал нефрит в руке, его прозрачные, ясные зрачки делали его похожим на хоть и надменного, но послушного домашнего кота.

Он поджал губы и бесстрастно повторил:

— Очень нравится.

— Хорошо. — Мужчина встал и надел висевшее рядом чёрное пальто.

— Я пойду.

— Куда вы?

Словно предчувствуя что-то, Сяо Цзи схватил его за рукав. Мужчина посмотрел на него сверху вниз, и в его холодных глазах промелькнула непонятная эмоция.

— Купить тебе свечи для торта.

Рука юного Сяо Цзи, которая должна была бы разжаться, лишь крепче стиснула рукав.

— Не уходите.

В его светлых глазах появился едва заметный блеск, словно он вот-вот заплачет.

— Я не разрешаю вам уходить.

Мужчина замер. Он посмотрел на четыре тонких белых пальца, вцепившихся в его рукав. Они дрожали, как промокшая под дождём белая птица.

Он действительно не стал настаивать на уходе и снова сел на своё место.

Затем они вместе насладились роскошным ужином, и Сяо Цзи загадал желание перед тортом без свечей. Когда ужин закончился, была уже глубокая ночь. Сяо Цзи дождался, пока мужчина выйдет из кухни, и поставил перед ним стакан тёплого молока.

Он послушно выпил и, подняв голову, посмотрел на мужчину, спрятав руки за спину.

— Это был самый счастливый день рождения в моей жизни. Знаете, какое желание я загадал сегодня?

В светлых глазах подростка редко можно было увидеть такой блеск, словно бездушная кукла обрела душу.

Мужчина хмыкнул в ответ.

Сяо Цзи тихо сказал:

— Я хочу, чтобы мы с учителем были вместе... всегда-всегда.

— Хорошо.

Мужчина легонько обнял его.

Сяо Цзи не стал уворачиваться, но когда мужчина хотел отстраниться, что-то упёрлось ему в грудь. Это было дуло пистолета — того самого, который учитель подарил ему, когда впервые привёл учиться стрельбе.

— Бах!

Курок был нажат без колебаний. В груди мужчины появилась огромная кровавая дыра. Его ледяное выражение лица наконец треснуло, сменившись выражением чистого неверия.

Сяо Цзи встал. Детская наивность на его лице сменилась холодной, спокойной маской. Он снова превратился из чувствительного шестнадцатилетнего подростка в двадцатичетырёхлетнего мужчину.

— Спасибо, что отпраздновал со мной день рождения и помог осуществить эту прекрасную мечту.

Он посмотрел на своего «учителя», лежащего в луже крови, и провёл рукой по горячему стволу.

— Но как бы искусно ты ни притворялся, извини, ты — не он.

Картина перед глазами рассыпалась, словно прекрасный сон, тающий вместе с ароматом еды. Перед ним снова появился стол, заставленный блюдами.

Ты — не он.

Никто — не он.

Сяо Цзи мысленно повторил эти слова.

То, что он намеревался сделать, никогда не отменялось из-за просьб Сяо Цзи.

В реальном мире его учитель в тот вечер ушёл за свечами для торта и больше не вернулся.

Он искал его всю ночь, расспрашивая всех, кто мог видеть его учителя, пока все магазины, из которых неслась рождественская музыка, не закрылись. Лишь тогда он, дрожа от холода, вернулся домой.

Глазурь на праздничном торте растаяла.

С тех пор он больше никогда не видел своего учителя. Три дня спустя полиция выловила из реки недалеко от их дома руку. Сяо Цзи опознал в ней левую руку своего учителя.

Он предположил, что его учитель, должно быть, умер. Умер в тот сочельник.

С тех пор он больше не праздновал дни рождения.

И не отмечал Рождество.

В седьмой комнате рука прекрасного юноши, державшая нож и вилку, замерла. Он положил на стол кусок мяса, который уже поднёс ко рту. Сладкая, счастливая улыбка на его лице постепенно исчезла, сменившись привычной холодной сдержанностью.

Комментарии оживились.

[Эй, эй, эй! Красавчик Сяо очнулся!]

[Он первый очнулся! Я так и знал, что мой Босс Сяо настолько крут, что с ним ничего не случится!]

[А «милый щеночек» всё ещё ест, причём так быстро! Мне кажется, он уже тарелок тридцать съел, не меньше! С ним точно всё в порядке будет?!]

Дуань Вэньчжоу с улыбкой на лице механически поглощал еду, время от времени бормоча невнятные фразы вроде: «Жёнушка~», «Вкусно-вкусно~», «Поцелуйчик~».

[?? Мне так интересно, что же снится этому «милому щеночку».]

[Наверняка что-то очень извращённое.]

Через десять минут после того, как очнулся Сяо Цзи, пришёл в себя и Дуань Вэньчжоу, выглядя при этом немного разочарованным. Первым делом он потрогал живот, решив, что наелся лишь наполовину, а затем с покрасневшим лицом украдкой взглянул на Сяо Цзи, который очнулся раньше него.

Сяо Цзи пришёл в себя быстро и съел немного, поэтому сейчас не чувствовал никакого дискомфорта. Из троих только Ю Линь продолжал безостановочно есть. Улыбка на его лице стала вымученной, но он всё равно не мог остановиться.

Сяо Цзи и Дуань Вэньчжоу схватили Ю Линя за руки, но тот вырывался, пытаясь продолжить есть. Его глаза налились кровью, как у наркомана во время ломки.

Дуань Вэньчжоу, недолго думая, ударил его кулаком в живот. Удар был на удивление точным. Движения Ю Линя замерли, и он изрыгнул на пол какую-то непонятную массу.

Взгляд Ю Линя постепенно прояснился. Поняв, что он наделал, он побледнел и бросился в

угол, пытаюсь вызвать рвоту и избавиться от съеденного.

— Похоже, эта комната заманивает нас в иллюзию самых светлых воспоминаний, — сказал Дуань Вэньчжоу.

Сяо Цзи поднял на него глаза:

— Что снилось тебе?

Дуань Вэньчжоу глупо улыбнулся.

— Мне снилось, что я снова вернулся в приют, вырос вместе с одним человеком, потом мы пошли в школу, поженились.

Взгляд Сяо Цзи дрогнул.

— Ты тоже вырос в приюте?

Дуань Вэньчжоу кивнул.

— Да, в городском приюте «Роза» в Цинлине.

— Возможно, я тебя видел. Я тоже жил в этом приюте, — сказал Сяо Цзи.

Дуань Вэньчжоу широко раскрыл глаза.

— Ух ты, какое совпадение! Может, обменяемся контактами, когда выберемся отсюда?

[Ты вообще видишь, что, сейчас, не, время, для, таких, разговоров?]

[Эй, ты, одноклассник, у, тебя, что, с, головой, не, в, порядке?]

[Это, что, какой-то, новый, формат, общения?]

Сяо Цзи промолчал.

— Сначала нужно выбраться.

Ю Линь, который к этому времени уже закончил, призраком подплыл обратно. Увидев, что

девять тарелок на столе выглядят так же, как и раньше — ни больше ни меньше еды, — он побледнел ещё сильнее.

— Как... как нам пройти эту комнату?

Он съёжился и вцепился в край стола.

Ю Линь даже с некоторым страхом посмотрел на Дуань Вэньчжоу и Сяо Цзи. Если они не найдут выход, то именно его, скорее всего, принесут в жертву, чтобы пройти дальше.

К счастью, пока что они, кажется, не собирались этого делать.

Дуань Вэньчжоу принюхался.

— Запах еды снова усиливается. Похоже, время, которое у нас есть после пробуждения, ограничено. Скоро нас снова притянет к еде, и мы опять погрузимся в эту странную иллюзию.

Это означало, что они должны найти способ выбраться из комнаты за это короткое время бодрствования.

Сяо Цзи тоже задумался.

В следующей иллюзии они могли уже не проснуться, а их тела снаружи будут вечно поглощать еду, пока не умрут от обжорства.

Но в этой комнате не было дверей. Кроме обеденного стола и огромных тарелок на нём, здесь не было даже никакой другой мебели.

Так в чём же ключ к прохождению?

В этот момент Дуань Вэньчжоу внезапно заговорил.

— Брат Сяо! — он таинственно помахал Сяо Цзи. — Кажется, я понял, как нам отсюда выбраться